

МОДЕЛЬ НЕДОСТАТКОВ? КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МОДЕЛЬНОГО ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА СНГ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ¹

Н.С. ЕШНИЯЗОВ,
PhD, старший преподаватель
кафедры международного права
Университета КАЗГЮУ,
Астана, Казахстан

Статья затрагивает особенности положений Модельного Гражданского Кодекса (МГК) СНГ в области международного частного права. Постатейный анализ норм общей части МЧП обнаруживает некоторые существенные недостатки, к сожалению, нашедшие отражение в национальных актах ряда стран-участниц. После исторического обзора и сопоставления актуального законодательства государств-членов организации, в т.ч. выбравших иной подход к кодификации, автором делается вывод о целесообразности отказа от МГК в качестве образца для дальнейшего развития МЧП.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, Модельный Гражданский Кодекс, международное частное право, коллизионное право, кодификация, применение коллизионных норм, применение иностранного права.

1. ВВЕДЕНИЕ

Более четверти века назад на обломках Советского Союза было создано Содружество Независимых Государств. Отказ от социалистического базиса обусловил необходимость новой законодательной надстройки в области частного права; падение железного занавеса и необходимость интеграции в мировое сообщество потребовало существенно нового подхода к международному частному праву. Десятилетия самоизоляции и командной экономики, недостаток самостоятельного законодательного опыта новых независимых государств растянули правотворческий процесс на годы. В этих условиях в 1994-96 гг. Межпарламентская Ассамблея СНГ приняла Модельный Гражданский Кодекс,² содержащий Раздел VII «Международное частное право».

© Н.С. Ешниязов, 2017

¹Изложение статьи, опубликованной на английском языке в журнале «Hungarian Journal of Legal Studies – Acta Juridica Hungarica», № 4, 2016. Все ссылки на источники в сети «Интернет» актуальны на 16.05.2017 г.

²Модельный Гражданский Кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств. Третья Часть. URL: <http://www.iacis.ru/upload/iblock/938/018.pdf>

³Гражданский Кодекс Республики Узбекистан. URL: http://www.lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=180550

⁴Гражданский Кодекс Республики Армения. URL: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html?lang=rus#R12

⁵Гражданский Кодекс Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409>

⁶Гражданский Кодекс Республики Беларусь. URL: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=hk9800218

Впоследствии Узбекистан³ (1996), Армения⁴ (1998), Казахстан,⁵ Беларусь⁶ и Кыргызстан⁷ (1999) практически скопировали положения МГК в национальные кодексы с минимальными изменениями и дополнениями. Россия приняла Третью часть ГК с разделом по МЧП только в 2001 г., но дважды – в 2006 и 2013 гг. внесла в кодекс значительные изменения и дополнения. Таджикистан ввел Третью часть ГК в 2005 г., скопировав действовавшую редакцию ГК РФ, и с тех пор ее не изменял. Азербайджан⁸ и Украина⁹ (2005) приняли отдельные законы по МЧП, в немалой степени заимствовавшие нормы МГК. ГК Молдовы¹⁰ был создан под влиянием не только МГК, но также и румынского законодательства.¹¹ Туркменистан ввел в действие ГК на основе МГК, но без Раздела VII, и с тех пор существует без каких-либо общих положений о конфликте законов (sic!). Полностью игнорировала МГК только Грузия,¹² принявшая Закон о МЧП на основе Вводного Закона к Германскому Гражданскому Уложению.¹³

Статья направлена на раскрытие особенностей и недостатков МГК, нашедших отражение в законодательствах стран СНГ. Анализ его положений позволяет уяснить смысл некоторых нечетких правил национальных актов, определить перспективы дальнейшего развития МЧП в постсоветском пространстве. Ввиду рекомендованного объема статьи, обзор ограничивается нормами общей части МЧП, имеющими значение в целях применения любой отдельной коллизионной нормы.

2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР СТАНОВЛЕНИЯ МЧП НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Дореволюционное российское МЧП в целом отвечало требованиям времени, хотя и несколько отставало от западных аналогов. Оно включало несколько односторонних коллизионных норм; единственная двусторонняя норма содержалась в ст. 707 Устава Гражданского Судопроизводства: «договоры и акты, совершенные за границу, обсуждаются на основании законов того государства, в пределах коего они совершены, и признаются действительными, если только заключающаяся в них сделка не противна общественному порядку и не воспрещается законами Империи».¹⁴ Как можно заметить, имперскому праву были знакомы такие понятия общей части МЧП, как публичный порядок и императивные нормы.

Октябрьская революция 1917 г. практически вынесла в отношении МЧП смертный приговор. Постулируя, что «мы ничего «частного» не признаем, для нас все в

⁷Гражданский Кодекс Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/5>

⁸Закон Азербайджанской Республики О международном частном праве. URL: <http://migration.gov.az/images/pdf/1f149be347e0d8cd0f5fe63785b6a2ee.pdf>

⁹Закон Украины О международном частном праве. URL: http://www.cisg.ru/content/download/ipr_ua_rus.pdf

¹⁰Гражданский Кодекс Республики Молдова. URL: <http://lex.justice.md/ru/325085/>

¹¹Осояну Н.Г. Тенденции и перспективы развития международного частного права Республики Молдова: дисс. ... к.ю.н. М., 2010. С. 3-8.

¹²Грузия вышла из состава СНГ 18 Августа 2009 г.

¹³Law of Georgia on Private International Law. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/93712/2/en/pdf>

¹⁴Яблочков Т.М. Труды по международному частному праву. М.: Статут, 2009. С. 114.

области хозяйства есть публично-правовое», Ленин призвал Наркомюст «не перенимать [...] старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое. Не поддаваться Наркоминделу, который [...] тянет линию «приспособления к Европе», [...] расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры; применять не *corpus juris romani* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание».¹⁵

Идея была охотно подхвачена доктриной: один из ведущих ученых даже назвал МЧП «орудием подготовки интервенции против СССР».¹⁶ Как следствие, ГК союзных республик 1922 г. уже не содержали коллизионных норм. Система минимизировала даже шансы возникновения отношений с иностранным элементом: установлена государственная монополия внешней торговли,¹⁷ наркоматам предоставлена возможность ограничивать право иностранцев на свободу передвижения, выбор профессии, на учреждение и приобретение предприятий и недвижимости; установлен разрешительный (на уровне правительства) порядок осуществления прав иностранных юридических лиц,¹⁸ в 1947 г. стали запрещены браки с иностранцами.¹⁹

В 1931 г. в законодательство было введено несколько чисто интерлокальных норм, направленных на разрешение редких и мелких коллизий между законами союзных республик.²⁰ Отрасль могла возродиться в 1950-х, когда Институт государства и права АН СССР подготовил проект Закона о МЧП²¹ с коллизионными нормами по гражданским, семейным, трудовым отношениям, а также нормами международного гражданского процесса; однако, проект не был принят к рассмотрению.

Кодификация была осуществлена только в условиях разрядки 1960-х, поменявшей риторику от призыва к мировой революции к идее равенства и сосуществования систем.

Первые восемь статей советского МЧП были включены в Раздел VIII Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 г. В 1977 г. Раздел был дополнен еще пятью статьями,²² при этом советское коллизионное право выглядело недоразвитым даже в сравнении с социалистическими странами – че-

¹⁵Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Изд. полит. лит., 1967. С. 398.

¹⁶Раевич С. Международное частное право как орудие подготовки интервенции против СССР // Советское государство. 1932. № 4. С. 189-197.

¹⁷Ст. 17 ГК РСФСР 1922 г. URL:http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1435.htm

¹⁸Ст. 8 Постановления о введении в действие ГК РСФСР 1922 г. Ibid.

¹⁹Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 апреля 1947 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 13.

²⁰Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 февраля 1931 г. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003409294#?page=87>

²¹Звекон В.П., Марышева Н.И. Развитие законодательства о международном частном праве // Журнал российского права. 1997. № 1. С. 132.

²²Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 21.

хословацкий Закон о МЧП (1963) включал 70 статей,²³ венгерский Указ (1979) – 75 статей.²⁴

Даже в разгар перестройки советское МЧП оставалось не вполне «частным» – его целью ставилось «правовое регулирование ряда международных экономических, научно-культурных и культурных отношений *государства*»,²⁵ оно было «направлено более на предотвращение и избежание конфликта законов, чем на их разрешение *ex post facto*».²⁶

На закате Союза был второй шанс принятия полноценного закона о МЧП и международном гражданском процессе: в 1991 г. Институтом законодательства и сравнительного правоведения был подготовлен проект из 67 статей.²⁷ Верховный Совет все же последовал старой модели и ввел в том же году новый вариант Основ с тем же Разделом VIII, включавшим 15 статей.

Распад СССР обнажил ряд проблем, связанных с неожиданной независимостью республик. Масса внутрисоюзных отношений вмиг стала «осложнена иностранным элементом», потребовав разрешения конфликтов компетенций и законов, оказания правовой помощи и исполнения решений. В результате, в 1993 г. была подписана Минская Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, включившая более широкий, чем в Основах, круг норм МЧП. Однако, нормы Конвенции, рассчитанной на отношения *inter partes*, не могли применяться к странам «дальнего зарубежья». Также, поскольку национальные законодательства еще оставались взаимосовместимыми, Конвенция не включала норм общей части, как положения о квалификации, публичном порядке и др.

Новые независимые государства не имели самостоятельного опыта разработки сложных правовых актов, что обусловило продолжение их централизованной подготовки – теперь в виде модельного законодательства. В 1994 г. на встрече в Санкт-Петербурге министры юстиции и председатели верховных судов десяти стран СНГ обсудили возможность координации гражданского законодательства. Далее, Научно-консультативным центром частного права стран СНГ и Научно-практическим центром при президенте РФ была выдвинута идея Модельного Гражданского Кодекса.²⁸ Третья часть МГК с Разделом VII «МЧП» была разработана в июле-декабре 1995 г. комиссией в составе ученых-цивилистов из Беларуси, Грузии,

²³Международное частное право. Иностранное законодательство. Под ред. А.Н. Жильцова, А.И. Муранова. М.: «Статут», 2001. С. 602-620.

²⁴Ibid. С. 228-249.

²⁵Boguslavskii M.M. Private International Law: The Soviet Approach. – Dordrecht/Boston: Martinus Nijhoff, 1988. P. 18.

²⁶Kiralfy A. Review on Private International Law: The Soviet Approach. By Mark M. Boguslavskii // International and Comparative Law Quarterly . 1998. № 38 (1). P. 232.

²⁷Проект Закона СССР О международном частном праве и международном гражданском процессе // Труды ВНИИ советского государственного строительства и законодательства. 1991. № 49. С. 123-161.

²⁸Сулейменов М.К. Как создавался Гражданский Кодекс Республики Казахстан (2012). URL: <http://www.zakon.kz/4468365-kak-sozdavalsja-grazhdanskij-kodeks.html>

²⁹Современное международное частное право в России и Евросоюзе: Монография. Книга 1 // под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М.: Норма, 2013. С. 212.

Казахстана, Кыргызстана, России, Узбекистана, Украины и Монголии.²⁹ После доклада комиссии 17 февраля 1996 г. Межпарламентская Ассамблея приняла третью часть МГК в качестве рекомендательного акта для государств-участников.

3. ОБЩИЙ ОБЗОР РАЗДЕЛА VII МГК

Раздел содержал 43 статьи, что намного больше по сравнению с предшествующими актами. Этот акт впервые оперировал термином «международное частное право» и содержал попытку систематизации отрасли: две его главы можно рассматривать, как общую и особенную части МЧП: 68 – «Общие положения» и 69 – «Коллизионные нормы».

Главным, на взгляд автора, недостатком Раздела является сама кодификация норм МЧП в структуре ГК. Это привело к необходимости выработки отдельных положений МЧП (включая нормы общей части) к вопросам семейных, трудовых отношений, торгового мореплавания и т.д. в отдельных правовых актах; в постсоветской реальности противоречия между такими актами были неизбежны. О построенном на этом принципе российском МЧП отмечается, что его «отличает множественность разрозненных актов, что порождает их параллелизм, дублирование, бессистемность, а во многих случаях и наличие противоречивых, несогласованных формулировок».³⁰

Последствия часто неприемлемы – к примеру, МГК и производные ГК допускают обратную отсылку только в отношении трех конкретных статей по вопросам личного статуса, игнорируя, в частности, вопросы брака. Но акты по семейному праву также не содержат норм о *renvoi*, как и норм общей части МЧП в целом. В этом контексте ст. 244 Кодекса РК о браке (супружестве) и семье, признающая расторжение брака с иностранцем, совершенное за рубежом в соответствии с *lex loci divortii*, может пониматься как отсылающая только к материальному праву. Это означает, что развод в форме «талак», данный мужем-казахстанцем жене-россиянке в Объединенных Арабских Эмиратах, будет признан действительным, несмотря на ничтожность в самих Эмиратах, хотя и дозволяющих «талак» для мусульман в материальном праве, но в коллизионном плане подчиняющих вопрос праву гражданства мужа.³¹

Кодификация МЧП в едином акте несомненно могла бы предотвратить такие проблемы, так, ст. 32 азербайджанского Закона предусматривает *renvoi* как к вопросам личного статуса, так и к брачно-семейным отношениям.

Другой пример порочности «поотраслевой» кодификации виден в несоответствии положений ГК и ГПК РК по *lex personalis*: ГК определяет личный закон беженца, как право страны убежища, тогда, как ГПК не содержит специальной нормы для беженцев, ограничиваясь общим правилом *lex nationalis*. Таким образом, лицо может иметь гражданскую дееспособность, но не иметь гражданско-процессуальную, и наоборот.

³⁰Гетьман-Павлова И.В., Ерпылева Н.Ю. Российское законодательство по международному частному праву: проблемы совершенствования // Международное публичное и частное право. 2009. № 1. С. 8.

³¹Ст. 13.2 ГК ОАЭ. URL: https://lexemiratidotnet.files.wordpress.com/2011/07/uae-civil-code_english-translation_.pdf

Данный подход зародил идею, что МЧП как отрасль не ограничена разделом в ГК, позволяя включать в него не только нормы в области конфликта законов и юрисдикций, но и т.н. материальные нормы прямого действия. Так, М.М. Богуславский приводит «неисчерпывающий» список из тридцати,³² а В.П. Звеков – из шестидесяти четырех (sic!) федеральных актов, образующих, по их мнению, российское МЧП.³³

Резко бросается в глаза эклектика основных начал МГК – с одной стороны, он выглядит открытым и гибким, базируясь на принципах наиболее тесной связи и автономии воли, с другой стороны, он содержит все возможные средства ограничения иностранного права. Будучи скрупулезным в несложных вопросах, вряд ли достойных кодификации (применение права страны с множественностью правовых систем, взаимность), он игнорирует реально сложные проблемы, требующие четкого регулирования (*dépeçage*, мобильный конфликт, предварительный вопрос).

Далека от совершенства техника МГК: ряд норм создан механической трансформацией старых односторонних норм в двусторонние без учета контекста. Так, безупречная норма Основ 1991 г. «Гражданская дееспособность иностранных граждан и лиц без гражданства в отношении сделок, совершаемых в СССР, и обязательств, возникающих вследствие причинения вреда в СССР, определяется по советскому праву» превратилась в сиамских близнецов с двумя объемами и двумя привязками в едином теле: «Гражданская дееспособность физического лица в отношении сделок и обязательств, возникающих вследствие причинения вреда, определяется по праву страны места совершения сделок или возникновения обязательств из причинения вреда».

Ряд норм МГК и производных ГК сформулированы настолько громоздко и даже ошибочно, что некоторые комментаторы «призывают к небуквальному толкованию отдельных положений».³⁴ Как было отмечено, «неопределенность и неясность формулировок, наличие отсылочных и бланкетных коллизионных норм, постоянная необходимость применения аналогии права и закона, практическая невозможность применения нормативных предписаний без толкования и разъяснения судебных пленумов в принципе являются характерными, отличительными чертами отечественного законодательства».³⁵

4. ОБЗОР ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ РАЗДЕЛА VII

4.1 Сфера действия Раздела обозначена в ст. 1194 «Определение права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом». Статья беспрецедентно признает соглашение сторон в качестве самостоятельного основания для определения применимого права, наряду с Кодек-

³²Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. М.: Юристь, 2005. С. 56-58.

³³Звеков В.П. Международное частное право. Курс лекций. М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М, 2000. С. 93-95.

³⁴Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 89.

³⁵Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В. Проблемы российского законодательства по международному частному праву // Адвокат. 2008. № 1. С. 78.

сом, иными законами, международными договорами и признаваемыми международными обычаями. Это положение, в принципе разрешающее сторонам любого отношения выбирать право любой страны, конечно, является преувеличением. Как бы то ни было, принцип *lex voluntatis* раскрыт в ст. 1224, позволяющей выбор права к договору «если иное не предусмотрено законом», таким образом, он представляет собой ординарную коллизионную норму, но не отдельный источник МЧП. Данное положение было реципировано только Кыргызстаном и Узбекистаном.

Пункт 3 статьи установил принцип наиболее тесной связи как универсальное субсидиарное коллизионное правило: «если в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи невозможно определить право, подлежащее применению, применяется право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями, осложненными иностранным элементом». Эффект этой несомненно прогрессивной идеи был существенно нейтрализован некоторыми другими положениями, например, о публичном порядке.

Пункт 4 содержит очевидное положение о том, что «применение нормы иностранного права не может быть ограничено лишь на том основании, что данная норма имеет публично-правовой характер». Публичного характера нормы *per se* недостаточно для неприменения – главное, чтобы она не нарушала отечественный публичный порядок.³⁶ Это правило главным образом касается ситуаций, когда вопрос (например, о сроке давности) относится к материальному (частному) праву в *lex fori* и к процессуальному (публичному) праву в *lex causae*. Оно выглядит настолько бесспорным, что его внедрение в позитивное право вряд ли целесообразно. Однако, аналогичная статья проекта ГК РК была отвергнута Конституционным Советом³⁷ по диаметрально противоположному «основанию»: «изложенная редакция [...] предусматривает вторжение норм иностранного публичного права в публично-правовые отношения Казахстана, тем самым допускает возможное ущемление своего суверенитета в публично-правовых отношениях».³⁸

Абсолютно излишне положение пункта 5: «правила настоящего раздела об определении права, подлежащего применению судом, соответственно применяется к другим органам, наделенным полномочиями решать вопрос о подлежащем применению праве». Это, на наш взгляд, не более, чем попытка разработчиков сгладить злоупотребление термином «суд» вместо простого использования страдательного залога («суд применяет иностранное право» вместо «иностранное право применяется»).

4.2 *Квалификация*. Ст. 1195 «Правовая квалификация» содержит, по-нашему, самую усложненную формулировку во всем постсоветском позитивном праве. Несмотря на то, что ряд авторитетных актов, как Вводный Закон к Германскому Гражданскому Уложению (ВЗ к ГГУ) или Швейцарский Закон о МЧП, обходят молчани-

³⁶Lipstein K. The Hague Conventions on Private International Law, Public Law and Public Policy // The International and Comparative Law Quarterly. Jul., 1959. Vol. 8, № 3. P. 511-512.

³⁷Постановление Конституционного совета Республики Казахстан от 27 марта 1998 г. № 1/2. URL: <http://ksrk.gov.kz/rus/resheniya/?cid=10&rid=196>

³⁸О качестве Постановления можно судить по двоякому написанию оборота «публичноправовые» и «публично-правовые» в одном предложении.

ем эту сложнейшую проблему, законодатели СНГ все же попытались ее объяснить, в чем явно не преуспели: «правовая квалификация судом юридических понятий основывается на их толковании в соответствии с правом страны суда, если иное не предусмотрено законом. Если юридические понятия не известны праву страны суда или известны под другим названием или с другим содержанием и не могут быть определены путем толкования по праву страны суда, то при их правовой квалификации может также применяться право иностранного государства».

Порочно, во-первых, обозначение объектом квалификации «юридического понятия». По общепринятой методологии квалифицируется «правоотношение»,³⁹ «факт или сделка»,⁴⁰ «фактическая ситуация», «связующий фактор», «норма иностранного права»,⁴¹ «основание иска» и «норма права»,⁴² но юридическое понятие может быть только объектом толкования, посредством которого квалификация должна осуществляться.

Во-вторых, статья не обозначает, какой вид квалификации имеется в виду, при том, что она должна осуществляться разными способами в зависимости от предмета. Армения, Беларусь, Молдова, Россия и Украина дополнили аналогичные нормы формулировкой «при определении права, подлежащего применению», что, все же, выглядит недостаточным на фоне испанского,⁴³ кубинского⁴⁴ или тунисского⁴⁵ правил, уточняющих свою цель как определение применимой коллизионной нормы.

В-третьих, статья допускает квалификацию *lege causae* только если юридические понятия «не могут быть определены путем толкования по праву страны суда», поскольку они «не известны праву страны суда или известны под другим названием или с другим содержанием». Здесь авторы МКК пытаются вырваться из ловушки, в которую они загнали себя сами, определив предметом квалификации юридическое понятие. Как понятие может быть неопределимым в *lex fori*, если оно ему известно, пусть даже «под другим названием или с другим содержанием»? Как понятие может иметь другое название, само будучи названием правового института? Таким образом, статья сводит на нет саму возможность квалификации *lege causae* постсоветскими юристами, и без этого не склонными к применению иностранного права.

ГК Молдовы стирает и эту эфемерную возможность квалификации *lege causae*, допуская ее лишь «если этим не ограничиваются гражданские права или не устанавливаются меры гражданской ответственности». Здесь игнорируется сама цель квалификации – применение наиболее тесно связанного права, которое может неизбежно содержать иное регулирование.

³⁹Bartin É. De l'impossibilité d'arriver à la solution définitive des conflits de lois // Journal du Droit international privé et de la jurisprudence française. 1897. P. 225.

⁴⁰Иссад М. Международное частное право. М.: Прогресс, 1989. С. 100.

⁴¹Lorenzen E.G. Qualification, Classification, or Characterization Problem in the Conflict of Laws // The Yale Law Journal. 1941. Vol. 50. P. 743-744.

⁴²North P.M., Fawcett, J.J. Cheshire and North's Private International Law. 13-th edition. London, Edinburg, Dublin: The Bath Press, 1999. P. 37-39.

⁴³Ст. 12.1 ГК Испании. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1889-4763>

⁴⁴Ст. 18 ГК Кубы. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=242552

⁴⁵Ст. 27 Кодекса МЧП Тунисской Республики. URL: <http://www.droit-afrique.com/upload/doc/tunisie/Tunisie-Code-2010-droit-international-prive.pdf>

Законы Азербайджана и Грузии не включили никакого правила по коллизионно-правовой квалификации.

4.3 *Установление содержания норм иностранного права.* Ст. 1196 накладывает бремя установления содержания иностранного права на суд, предусматривая право сторон содействовать суду в данном вопросе. Российский и армянский ГК были дополнены положением о том, что по искам из коммерческих отношений суд может возложить бремя доказывания на стороны; молдавский кодекс предусматривает эту возможность в любом случае. По-нашему, данная норма, рассматривая не коллизионный, а чисто процессуальный вопрос, была бы более уместна в структуре ГПК.

Вызывает нарекания п.4, предписывающий применение *lex fori* «если содержание норм иностранного права [...] в разумные сроки не установлено». Оно противоречит принципу наиболее тесной связи – приоритет должен отдаваться субсидиарно применимому праву, но не напрямую праву страны суда. Например, по ст. 1225, генеральной нормой для договорных обязательств является *lex voluntatis*, первичной субсидиарной нормой – *lex venditoris*, вторичной – право страны, с которой договор наиболее тесно связан. Но согласно ст. 1196, если ни суд, ни стороны не установят содержание нормы *lex voluntatis*, вопрос будет подчинен не *lex venditoris* или наиболее тесно связанному праву, а напрямую *lex fori*.

4.4 *Renvoi.* Ст. 1197, громоздко озаглавленная, как «обратная отсылка и отсылка к праву третьей страны», допускает их только в отношении конкретных вопросов личного статуса. Статья содержит курьезную ошибку, принимая *renvoi* «в случаях применения иностранного права согласно статье 1204, пунктам 1, 3, 5 статьи 1205, статьям 1207 и 1210». При этом, п. 5 ст. 1205 и вовсе не содержит отсылки к иностранному праву, предписывая применение права страны суда. Печально, что ошибка была механически скопирована в ГК Беларуси (соответственно, ст. 1096 и 1104.5), Казахстана (1087 и 1905.5), Кыргызстана (1170 и 1178.5) и Узбекистана (1161 и 1169.5).

Российский и украинский акты избежали эту ошибку, предусмотрев обратную отсылку, соответственно, в случаях «определения правового положения физического лица» и «в случаях, которые касаются личного и семейного статуса физического лица»; но принятие только обратной отсылки в игнорирование отсылки к праву третьей страны выглядит более «подушкой для ума»,⁴⁶ чем предписанием выбора надлежащего права. Лучше выглядит азербайджанская норма, принимающая оба вида *renvoi* к вопросам правоспособности, брачно-семейных отношений и наследства. Армянский и молдавский кодексы не принимают *renvoi* вообще, а грузинский закон, по образцу ВЗ к ГГУ, позволяет и обратную, и дальнейшую (включая последующие) отсылки в любом случае.

4.5 *Ограничения применимого права.* МГК содержит все три возможных ограничения применимого права: клаузулу об обходе закона, применение императивных норм и оговорку о публичном порядке. Их сочетание настолько несообразно, что «могут возникнуть вопросы: не задались ли разработчики раздела целью ограничить основания для применения норм иностранного права, не допустили ли они

⁴⁶Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В. *Op. cit.* С. 81.

крен в сторону увеличения количества так называемых “норм-ограничителей”, вытесняющих действие зарубежных законов”.⁴⁷

Ст. 1198 «Последствия обхода закона» гласит: «недействительны соглашения и иные действия участников отношений, регулируемых настоящим Кодексом, направленные на то, чтобы в обход правил настоящего раздела о подлежащем применению праве подчинить соответствующие отношения иному праву. В этом случае применяется право соответствующего государства, подлежащее применению в соответствии с настоящим разделом». Формулировка небезупречна – она предусматривает отказ в применении иностранного права в целом, тогда, как действие может быть направлено на обход одной единственной нормы. Далее, она лишает смысла упомянутую ст. 1094, признающую соглашение сторон отдельным основанием выбора права. Заслуженно критикуемая,⁴⁸ клаузула об обходе закона была отвергнута Арменией, Грузией, Молдовой, Россией и Таджикистаном, но включена в акты Беларуси (ст. 1097), Казахстана (1088), Кыргызстана (1171), Узбекистана (1162) и Азербайджана (8). В ГК Беларуси статья названа «Последствия обхода акта законодательства», без учета того, что «обойденное» правило в некоторых правопорядках может содержаться в прецеденте, доктрине или обычае.

Ст. 1200 «Оговорка о публичном порядке» ущемляет принцип наиболее тесной связи аналогично ст. 1196: «Иностранное право не применяется в случаях, когда его применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку) [название страны]. В этих случаях применяется право [название страны]». Она предусматривает прямое применение *lex fori*, игнорируя субсидиарно применимое право. Только украинский закон учел эту проблему, предусмотрев: «в таких случаях применяется право, которое имеет наиболее тесную связь с правоотношениями, а если такое право определить или применить невозможно, применяется право Украины».

Оговорка также запрещает применение иностранного права в целом, несмотря на возможность противоречия публичному порядку только одной нормы. Это упущение преодолено в актах Армении, России, Украины, Грузии и Азербайджана, предусматривающих неприменимость отдельной нормы иностранного права. Интересно правило Азербайджана, ставящее препятствием на пути иностранного права не эфемерный «публичный порядок», а «Конституцию и принятые референдумом акты».

Ст. 1201 «Применение императивных норм» гласит: «правила настоящего раздела не затрагивают действия императивных норм права [название страны], регулирующих соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права». Поскольку непонятно, какие нормы действуют таким образом, ГК РК и РФ уточнили их, как нормы, «которые вследствие указания в самой норме или ввиду их особого значения для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права». Однако, даже эта формулировка вызвала

⁴⁷Звеков В.П. Op. cit. С.85.

⁴⁸См., напр.: Муранов А.И. Проблема “обхода закона” в материальном и коллизионном праве. Дисс. ... к.ю.н. М. 1999; Муранов А.И. ВАС идет в обход // Ведомости. 2011. № 77 (2843).

критику: «практически любая императивная норма российского права может быть объявлена имеющей особое значение».⁴⁹

П. 2 допускает применение императивных норм третьей страны: «при применении права какой-либо страны [...], суд может применить императивные нормы права другой страны, имеющего тесную связь с отношением, если согласно праву этой страны такие нормы должны регулировать соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права. При этом суд должен принимать во внимание назначение и характер таких норм, а также последствия их применения».

Сочетание указанных ограничений вкуче с их размытостью вредит правовой определенности. Представим себе, что старый вдовец-француз, отец 2-х малолетних детей, по уговору молодой женщины поселяется в Англии, делает завещание в ее пользу и вскоре умирает. Представим, что у него была движимость в стране СНГ, за которую начинается спор; по МГК (ст. 1180), каждый ребенок претендует на $\frac{1}{4}$ наследства, по ФГК – на $\frac{1}{3}$,⁵⁰ по праву Англии – только на финансовую поддержку, сумма которой «будет разумной во всех обстоятельствах дела».⁵¹ Коллизионная норма МГК предусматривает применение права Англии как последнего *lex domicilii*, но три исключения могут привести к разным последствиям. Если суд усмотрит обход французского закона, он применит право Франции. Следуя ст. 1201, суд может применить в качестве императивных норм положения как МГК, так и ФГК. Далее, суд может посчитать, что английская норма, по сути лишаящая детей наследства, противоречит публичному порядку и применить *lex fori*. В конце концов, суд также может решить, что не имеется никаких оснований для ограничения английской нормы.

4.6. *Реторсии*. Ст. 1203, следуя духу советского законодательства, предусматривает: «Правительством [название страны] могут быть установлены ответные ограничения (реторсии) в отношении прав граждан и юридических лиц тех государств, в которых имеются специальные ограничения прав граждан и юридических лиц [название страны]». Касаясь личного статуса, оно выглядит неуместным в главе «Общие положения» и могло бы быть помещено в Главу 69 (как это сделано в Законе Грузии). В любом случае, такие ограничения представляют собой императивные нормы и могут быть применены в силу ст. 1201, таким образом, в специальном положении о реторсиях в Главе 68 нет необходимости.

Эта формулировка была отвергнута Конституционным Советом РК, так как ограничение прав человека не входит в компетенцию Правительства как органа исполнительной власти.⁵² Слово «Правительством» было заменено оборотом «Республикой Казахстан»; такой же оборот принят в ГК Армении.

4.7 *Взаимность*. Соответствующая ст. 1189 является примером бесполезного перерегулирования и может быть безболезненно изъята из Раздела: «суд или применяют»⁵³ иностранное право независимо от того, применяется ли в соответствующем

⁴⁹Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В. *Op. cit.* С. 74.

⁵⁰Ст. 913 Гражданского Кодекса Французской Республики. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>

⁵¹Ст. 1.2.b Закона Соединенного Королевства О наследовании (положения для семьи и иждивенцев). URL: www.legislation.gov.uk/ukpga/1975/63

⁵²Постановление КС РК от 27.03.1998 г. № 1/2. *Op. cit.*

⁵³Так в тексте.

иностранном государстве к аналогичным отношениям право [название страны], за исключением случаев, когда применение иностранного права на началах взаимности предусмотрено [название страны]». Это – пережиток Холодной войны, когда взаимность считалась *condition sine qua non* для применения иностранного права. По-нашему, указания требования взаимности *ad hoc* достаточно для того, чтобы по умолчанию применять иностранный закон без такого требования. Данная норма не вошла в законы Азербайджана и Грузии.

Более полезным выглядит положение п. 2, устанавливающее опровергаемую презумпцию существования взаимности: «если применение иностранного права зависит от взаимности, предполагается, что она существует, поскольку не доказано иное». Как бы то ни было, положение осталось *jus nullius*, поскольку ни одна коллизийная норма Главы 69 наличия взаимности не требует. С другой стороны, презумпция существования взаимности в некоторой степени противоречит принципу состязательности, возлагая на сторону обязанность доказать отсутствие факта, на котором основана позиция противоположной стороны.

Еще одно очевидное правило содержится в ст. 1202: «в случаях, когда подлежит применению право страны, в которой действуют несколько территориальных или иных правовых систем, применяется правовая система в соответствии с правом этой страны». Учитывая, что правила для интерлокальных или интерперсональных коллизий могут отсутствовать в *lex causae*, законы Армении, России, Украины, Азербайджана, Молдовы и Грузии дополнили норму принципом наиболее тесной связи. Но даже такое дополнение выглядит излишним, поскольку принцип наиболее тесной связи является основным началом МЧП.

Возможно, этими правилами разработчики МГК пытались предусмотреть максимальную четкость и единообразие регулирования. Однако, игнорируя такие сложные проблемы МЧП, как *dépeçage*, мобильный конфликт, предварительный (побочный) вопрос или применение негосударственного права, заслуживающие позитивного регулирования более, чем вопросы взаимности или интерлокальных конфликтов, МГК не выглядит соответствующим требованиям времени. Еще хуже то, что в законах стран СНГ названные проблемы не урегулированы по сей день.

5. ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ МГК В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ

Влияние МГК на законодательство стран СНГ было различным, но есть интересная закономерность: он нашел явную поддержку в странах пророссийской ориентации – партнерах РФ по Евразийскому Союзу и Организации Договора Коллективной Безопасности – в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Наоборот, «прозападные» Грузия, Азербайджан и Украина отклонили МГК, предпочтя ввести отдельные законы. Об этом отмечалось в доктрине: «на постсоветском пространстве путь межотраслевой кодификации МЧП предпочли государства, в наибольшей степени сохранившие социалистическое правосознание и традиции советского права (как известно, не признававшего ничего частного) – Беларусь, Казахстан, Узбекистан. Страны, чья экономика в большой степени ориентирована на развитие частной собственности, конкуренции, сотрудничество с промышлен-

но развитыми государствами, предпочли путь автономной кодификации – Грузия, Эстония, Украина».⁵⁴

Трудно оценить, насколько полезен был отказ от МГК для этих стран. Например, грузинский закон основан на ВЗ ГГУ, его очень компактный и гибкий Раздел I об общих положениях состоит всего из 7 статей, не имея норм о квалификации, обходе закона, взаимности и реторсиях. В свете дефектов аналогичных норм МГК это может выглядеть достоинством, но у Грузии нет доктрины и практики немецкого уровня, которые могли бы нейтрализовать отсутствие позитивных норм. Несомненно, одно достоинство грузинского акта, как и закона Украины – наряду с коллизионными нормами, они содержат также нормы по международному процессу, что предотвращает возможные противоречия.

Украинский закон испытал некоторое влияние МГК (что видно, к примеру, по очередности статей), но смог избежать большинства его дефектов. Так, он закрепляет «строгий» принцип наиболее тесной связи: а) право, предписанное коллизионной нормой, не может быть применено, если не имеет связи с предметом спора; б) если иностранная норма противоречит публичному порядку, суд не будет применять автоматически *lex fori*, но продолжит поиск другой наиболее тесно связанной нормы. В рамках СНГ данный акт выглядит наиболее проработанным – например, только он содержит определения основных понятий МЧП. Он исполнен идеей правовой определенности, что, хотя и отражается на гибкости регулирования, в условиях зарождения доктрины и практики является абсолютно оправданным.

Азербайджан не включил в закон о МЧП процессуальные нормы, но, по крайней мере, избежал проблему неприменимости общих принципов выбора права к вопросам, не охваченным ГК. Преодолев ряд недостатков МГК, азербайджанские законодатели допустили некоторые собственные ошибки. Так, по ст. 7 Закона, «орган исполнительной власти Азербайджанской Республики может ввести в качестве ответных мер для граждан и юридических лиц государств, применяющих реторсии в отношении граждан и юридических лиц Азербайджанской Республики, аналогичные ограничения». Здесь прослеживается недопонимание того, что под реторсией имеется в виду сама ответная мера, но не первичное ограничение.

Среди стран, принявших образец МГК, Армения ввела достаточно ощутимые изменения, как, например, отказ от оговорки об обходе закона. Однако некоторые из них были направлены только на упрощение процедуры, как непринятие *genvoi* и отказ от применения иностранных императивных норм. То же самое можно сказать и о молдавском ГК.

Россия, отложившая принятие Третьей Части ГК до 2001 г. и внесшая изменения и дополнения в 2006 и 2013 гг., смогла преодолеть ряд пороков МГК. Так, она отказалась от клаузулы об обходе закона, от рассмотрения автономии воли в качестве отдельного основания выбора права. ГК РФ уточнил цель квалификации («при определении права, подлежащего применению»), метод применения права страны с множественностью правовых систем. Он расширил принятие обратной отсылки до всех случаев, касающихся правового положения индивида без ограничения по отдельным статьям, ощутимо сузил ограничения иностранного права. Некоторые

⁵⁴Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В. *Op. cit.* С. 91.

из этих достижений были также восприняты Таджикистаном, построившим свой Кодекс 2005 г. на первоначальной версии российского ГК.

Подход Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана лучше всего характеризуется выражением «слепое копирование», примером чего является рецепция упомянутого положения о *renvoi* с технической ошибкой. Они не поменяли обезличенное выражение «страна суда» (абсолютно оправданное в лексиконе Модельного Кодекса) на собственные названия. При копировании часто не учитывалось содержание других правовых актов. Так, Казахстан кодифицировал материальные нормы по опеке и попечительству в семейно-брачном законодательстве, при этом оставив коллизионные нормы в ГК.

Ряд проблем возник с переводом положений МГК на государственные языки реципиентов. Так, в ГК РК «при применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их *официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве*» переведено как «шетел құқығын қолданған кезде сот оның нормаларының мазмұнын олардың *ресми түсіндірілуіне, қолданылу практикасына және тиісті шет мемлекеттегі доктринаға сәйкес анықтайды*». В казахском тексте получается, что оборот «в соответствующем иностранном государстве» касается только доктрины, а значит, органы РК могут дать официальное толкование иностранным правовым нормам и установить собственную практику их применения.

Пристальный анализ позволяет обнаружить новые, «собственные» ошибки национальных актов. Так, кыргызский ГК объединил обратную отсылку и отсылку к праву третьей страны в единую невообразимую конструкцию – соответствующая ст. 1170 озаглавлена как «Обратная отсылка к праву третьей страны», этот же оборот повторен в ее тексте, причем, как на кыргызском, так и на русском языках.

Главным недостатком кодексов этих стран является то, что названные дефекты остаются неустранимыми со дня введения в силу. Но даже они выглядят лучше туркменского ГК, не содержащего никаких положений по МЧП. Некоторые коллизионные нормы содержатся в Семейном кодексе и Кодексе торгового мореплавания Туркменистана, однако в них не включено ни одно положение общей части МЧП. Закон о международном коммерческом арбитраже указывает на применение *lex voluntatis* и субсидиарно – «права, определённого в соответствии с коллизионными нормами, которые он [арбитраж] считает применимыми». ⁵⁵ Единственную коллизионную норму Закона о внешнеэкономической деятельности вряд ли можно назвать приемлемой: «в случае отсутствия в договоре положений, регламентирующих порядок разрешения споров, применяемое право и место рассмотрения определяются в соответствии с общепризнанными нормами международного права». ⁵⁶ Отсутствие разработанной системы норм коллизионного права в XXI веке выглядит нонсенсом, хотя и вполне понятным в свете автаркии Туркменистана.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дивергенция национальных законодательств показывает, что МГК сыграл свою историческую роль, и, к сожалению, эта роль была все-таки отрицательной. Он по-

⁵⁵URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=7116>

⁵⁶URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=7127>

родил проблемы, которых можно было избежать еще на стадии разработки, отвлекая усилия правотворчества, доктрины и практики на их устранение. Да, он задал единый вектор развития МЧП в членах организации – но было ли это правильным направлением? Несмотря на то, что отвержение МГК Грузией, Украиной и Азербайджаном имело политическую подоплеку, эти страны смогли выработать качественно лучшие законы.

Ожидается, что расхождение национальных актов, как друг от друга, так и от общей модели будет расти. Почти повсеместно признано, что разработка модельных актов в рамках СНГ не была особо успешным подходом.⁵⁷ Грузия и Украина уже не вернутся в общее правовое поле Содружества. Ввиду культурных связей, Азербайджан последует турецкой, а Молдова – румынской модели законодательства. Даже Казахстан – вернейший союзник России – заявил о рецепции на части территории английского права, и это решение находит поддержку в академических кругах, что немаловажно – среди относительно молодых ученых.⁵⁸

Россия последовательно развивает законодательство и сохраняет возможность введения отдельного закона по МЧП, что подтверждается актуальной доктриной.⁵⁹ Некоторые авторы предлагают компромиссный вариант – оставить коллизионные нормы в отраслевых актах, но объединить нормы общей части в самостоятельном законе.⁶⁰ Как бы то ни было, Россия имеет опыт двух попыток внедрения такого закона, а как гласит русская пословица, Бог троицу любит.

Относительно других государств трудно что-либо предсказать. То, что существенные недостатки, логические и даже грамматические ошибки в законодательстве сохраняются два десятка лет, обнажает элементарную незаинтересованность в улучшении законодательства. Возможно, они продолжают следовать за Россией, однако, более целесообразным представляется поиск собственного пути, не ограниченного целями унификации в рамках СНГ. Чем скорее государства выработают собственный подход, основанный на балансе национальных и универсальных целей и ценностей, тем скорее они смогут развить систему норм, способствующую успешной интеграции в мировое сообщество.

⁵⁷«Помимо Модельного гражданского кодекса в рамках МПА СНГ разработано свыше 100 модельных законов. Очевидно, что это не тот случай, когда количество переходит в качество». Богуславский и др. (ред.). *Op. cit.* С. 85.

⁵⁸Дауленов М.М., Абилова М.Н. Английское право на страже прав инвесторов в международном финансовом центре «Астана» // *Право и государство.* 2016. № 3 (72). С. 29-36; Ешниязов Н.С. Туман в Степи: к вопросу о праве, применимом к частноправовым отношениям в Международном финансовом центре «Астана» // *Ibid.* С. 87-93; Конусова В.Т., Нестерова Е.В. Совершенствование гражданского законодательства Республики Казахстан на основе имплементации отдельных положений английского права // *Ibid.* С. 46-50.

⁵⁹Zvekov V.P. The New Civil Code of the Russian Federation and Private International Law // *McGill Law Journal / Revue de Droit de McGill.* 1999. № 44. P. 525-537; Lebedev S., Muranov A., Khodykin R., Kabatova E. New Russian Legislation on Private International Law // *Yearbook of Private International Law.* 2002. № 4. P.117-144; Марышева Н.И. Вопросы кодификации норм международного гражданского процесса в России // *Журнал российского права.* 2004. № 6. С. 35-46.

⁶⁰Ерпылева Н.Ю. *Международное частное право.* М.: Проспект, 2010. С. 33; *Международное частное право: Учебник / Отв. ред. Г. К. Дмитриева.* М.: Проспект, 2010. С. 78-79.

Н.С. Ешниязов: Кемшіліктер Моделі? ТМД Модельдік Азаматтық Кодексінің коллизиялық құқық ережелері және олардың ұлттық заңнамалардағы көрінісі.

Мақала ТМД-ң Модельдік Азаматтық Кодексінің коллизиялық құқық ережелерінің ерекшеліктерін қозғайды. ХЖҚ-ң жалпы бөлімі нормаларын баптап талдау кейбір елеулі кемшіліктерін ашып көрсетеді, өкінішке орай, олар қатысушы елдердің ұлттық заңнамаларында да көрініс тапқан. Тарихи шолу мен ұйымға мүше, с.і. кодификацияның басқа жолын таңдаған мемлекеттердің қазіргі заңнамаларын салыстыру нәтижесінде автор ХЖҚ-ты әрі қарай дамыту үлгісі ретінде МАК-тен бас тартудың оңтайлығы туралы қорытынды жасайды.

Тірек сөздер: Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы, Модельдік Азаматтық Кодекс, халықаралық жеке құқық, коллизиялық құқық, кодификация, коллизиялық нормаларды қолдану, шетелдік құқықты қолдану.

N.S. Yeshniyazov: The Model of Disadvantages? The Choice-of-Law Provisions of the CIS Model Civil Code and Their Reflection in the National Legislations.

The article touches upon the features of the Commonwealth of Independent States Model Civil Code's provisions in sphere of private international law. The paragraph-by-paragraph analysis discovers some essential disadvantages which, unfortunately, found reception in the statutes of member-nations. After historical analysis and comparison of the actual legislation of the CIS participants, including those which have chosen another approach to codification, the author concludes that it is desirable to reject the MCC as a specimen for the further development of PIL.

Keywords: Commonwealth of Independent States; Model Civil Code; private international law; choice of law; codification; application of conflict rules; application of foreign law.

Библиография:

1. Boguslavskii M.M. Private International Law: The Soviet Approach. – Dordrecht/Boston: Martinus Nijhoff, 1988.
2. Lebedev S., Muranov A., Khodykin R., Kabatova E. New Russian Legislation on Private International Law // Yearbook of Private International Law. 2002. № 4. P. 117-144.
3. Zvekov V.P. The New Civil Code of the Russian Federation and Private International Law // McGill Law Journal. 1999. № 44. P. 525-537.
4. Гетьман-Павлова И.В., Ерпылева Н.Ю. Российское законодательство по международному частному праву: проблемы совершенствования // Международное публичное и частное право. 2009. № 1. С. 8-14.
5. Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В. Проблемы российского законодательства по международному частному праву // Адвокат. 2008. № 1. С. 72-91.
6. Звеков В.П., Марышева Н.И. Развитие законодательства о международном частном праве // Журнал российского права. 1997. № 1. С. 129-138.
7. Марышева Н.И. Вопросы кодификации норм международного гражданского процесса в России // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 35-46.
8. Осояну Н.Г. Тенденции и перспективы развития международного частного права Республики Молдова: дисс. ... к.ю.н. М., 2010.

9. Современное международное частное право в России и Евросоюзе: Монография. Книга 1 // под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М.: Норма, 2013.

10. Сулейменов М.К. Как создавался Гражданский Кодекс Республики Казахстан (2012). URL: <http://www.zakon.kz/4468365-kak-sozdavalsja-grazhdanskijj-kodeks.html>

11. Дауленов М.М., Абилова М.Н. Английское право на страже прав инвесторов в международном финансовом центре «Астана» // Право и государство. 2016. № 3 (72). С. 29-36.

12. Ешниязов Н.С. Туман в Степи: к вопросу о праве, применимом к частноправовым отношениям в Международном финансовом центре «Астана» // Право и государство. 2016. № 3 (72). С. 87-93.

13. Конусова В.Т., Нестерова Е.В. Совершенствование гражданского законодательства Республики Казахстан на основе имплементации отдельных положений английского права // Право и государство. 2016. № 3 (72). С. 46-50.

References (transliterated):

1. Boguslavskii M.M. Private International Law: The Soviet Approach. – Dordrecht/Boston: Martinus Nijhoff, 1988.

2. Lebedev S., Muranov A., Khodykin R., Kabatova E. New Russian Legislation on Private International Law // Yearbook of Private International Law. 2002. № 4. P. 117-144.

3. Zvekov V.P. The New Civil Code of the Russian Federation and Private International Law // McGill Law Journal. 1999. № 44. P. 525-537.

4. Get'man-Pavlova I.V., Erpyleva N.Yu. Rossijskoe zakonodatel'stvo po mezhdunarodnomu chastnomu pravu: problemy sovershenstvovaniya // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2009. № 1. S. 8-14.

5. Erpyleva N.Yu., Get'man-Pavlova I.V. Problemy rossijskogo zakonodatel'stva po mezhdunarodnomu chastnomu pravu // Advokat. 2008. № 1. С. 72-91.

6. Zvekov V.P., Marysheva N.I. Razvitie zakonodatel'stva o mezhdunarodnom chastnom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 1997. № 1. S. 129-138.

7. Marysheva N.I. Voprosy kodifikacii norm mezhdunarodnogo grazhdanskogo processa v Rossii // Zhurnal rossijskogo prava . 2004. № 6. S. 35-46.

8. Osoyanu N.G. Tendencii i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo chastnogo prava Respubliki Moldova: diss. ... k.yu.n. M., 2010.

9. Sovremennoe mezhdunarodnoe chastnoe pravo v Rossii i Evrosoyuze: Monografiya. Kniga 1// pod red. М.М. Boguslavskogo, А.Г. Lisicyna-Svetlanova, А. Trunka. М.: Norma, 2013.

10. Sulejmenov M.K. Kak sozdavalsya Grazhdanskij Kodeks Respubliki Kazahstan (2012). URL: <http://www.zakon.kz/4468365-kak-sozdavalsja-grazhdanskijj-kodeks.html>

11. Daulenov M.M., Abilova M.N. Anglijskoe pravo na strazhe prav investorov v mezhdunarodnom finansovom centre «Astana» // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 3 (72). S. 29-36.

12. Eshniyazov N.S. Tuman v Step: k voprosu o prave, primenimom k chastnopravovym otnosheniyam v Mezhdunarodnom finansovom centre «Astana» // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 3 (72). S. 87-93.

13. Konusova V.T., Nesterova E.V. Sovershenstvovanie grazhdanskogo zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan na osnove implementacii otdel'nyh polozhenii anglijskogo prava // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 3 (72). С. 46-50.